

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

МИД

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЛЕОНИД ОРЛОВ

**ВОЙНА
ПО УМОЛЧАНИЮ**

Леонид Орлов

Война по умолчанию

**Серия «МИД. Политический детектив
на основе реальных событий»**

Серия «Станислав Сергеев», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64477172

Война по умолчанию: Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-04-088654-8

Аннотация

В Румынии назревает государственный переворот. Толпы недовольных политикой президента Чаушеску громят учреждения, захватывают полицейские участки. На улицах льется кровь. По роковому стечению обстоятельств в эпицентре событий оказывается специальный представитель советского МИДа Станислав Сергеев. Западные спецслужбы пытаются завербовать дипломата. Но раненный, лишенный документов, преследуемый революционными фанатиками, Сергеев организует поиски секретных материалов, раскрывающих истинные причины происходящей трагедии...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	36
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Леонид Орлов

Война по умолчанию

© Орлов Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Пастор Ласло Текеш говорил долго и, как ему казалось, очень убедительно. Его голос отдавался под сводами храма торжественным эхом. Но с церковной кафедры он хорошо видел по опущенным лицам прихожан, что никто из них не подойдет после проповеди и не поставит свою подпись под открытым письмом епископу Паппу. Даже здесь, в Ти-мишоаре, где очень сильны и многочисленны венгерская и немецкая диаспоры, его не захотели поддержать. А ведь пастор всего лишь способствовал своей общественной деятельностью объединению людей вне зависимости от их этнической принадлежности. Он прекрасно понимал, что письмо, присланное епископом, написано под давлением Секуритате¹. Но пастор не хотел сдаваться, он верил в торжество разума и светлых сил. А потому вместе с Румынской православной церковью снова взялся с обычной своей энергией за организацию молодежного фестиваля.

Люди, думал пастор, взглядываясь в лица прихожан, ведь вы же понимаете, что, когда вы вместе, можно добиться всего. Объединенный общей идеей народ непобедим, это же так

¹ Секуритате (рум. Securitate – «безопасность») – Департамент государственной безопасности Социалистической Республики Румыния с 1948 по 1989 год. Сочетал функции спецслужбы и политической полиции. Прославился как самая жестокая спецслужба из всех социалистических стран Восточной Европы.

просто понять. Сообща строились грандиозные пирамиды, свергались с тронов тираны, выигрывались войны. Вы же понимаете, что я критикую настоящий строй в Румынии именно потому, что вижу ложь и цинизм, вижу его антинародность. Я вижу, что за красивыми и правильными словами, произносимыми с трибун партийными лидерами, скрывается лицемерие и равнодушие. Люди! Неужели никто не поддержит меня и не подпишется под письмом?!

– Я призываю вас к единению! – поднял руку пастор. – Если кто-то останется один, он останется без всего, без дома, без своего хозяйства. Это уродливый проект ликвидации полутора десятка тысяч трансильванских сел, в которых сегодня живут не только этнические немцы, венгры, но и румыны, формально имеет целью создание гигантских сельскохозяйственных центров. Но, по сути, он просто сгонит вас со своей земли, лишит хозяйства и бросит в бездушный механизм коллективного производства, в котором каждый из вас не только не будет хозяином, вам там вообще не будет места. Этот проект, который власть стыдливо называет «систематизацией», имеет целью ликвидацию национальных меньшинств в Румынии вообще. Людей расселят по другим районам, областям, оторвут от этнической общины. Вот так и гибнет культура и национальное самосознание.

Неожиданно с задних рядов поднялся невысокий коренастый мужчина, тискавший в руках старую кепку. Он поднялся с шумом, громко откашлялся. На него сразу обратили

внимание и стали обращаться.

– Вы меня все знаете, – заговорил мужчина глухим голосом. – Я Эрно Уйваросси. Кто-то считает меня задирой, склочником, говорит, что я люблю просто поскандалить. А я вам вот что отвечу. Мы все давно знаем пастора, мы слушаем его проповеди и верим каждому его слову, потому что за ним правда. Ее ничем не замажешь. И я говорю, что поддержу человека, который за правду! Я подпишу ваше письмо, святой отец!

Люди загалдели, горячо обсуждая услышанное. Текеш вздохнул и сложил руки, терпеливо ожидая, когда паства наговорится и примет решение. Но то ли день сегодня был пасмурный и ветреный, то ли настроение у людей было такое, только решения не давались. А может, люди просто устали от постоянной пропаганды? Коммунистическая власть агитирует, я агитирую, и все говорят правильные слова. Трудно людям. Не стоит их осуждать и ждать, что они проснутся в одночасье. Эти люди все равно верят мне больше, чем власти, ведь они понимают, что государство меня травит. И эти люди добровольно снабжают меня дровами, пищей, они помогают моей семье, хотя я знаю доподлинно, что агенты полиции некоторых даже избивали тайно за такую помощь, сваливая все на мистических бандитов.

После вчерашнего Эрно никак не мог успокоиться. Вот тебе и прихожане, вот тебе и поддержка пастора. А ведь все

себя считают венграми. Мы все родились в этой стране, думал Эрно, но мы все равно остаемся венграми, потому что венграми были наши отцы и матери, наши деды. И не важно, что кого-то когда-то судьба забросила в эту страну.

Сигарет не было ни в кармане, ни на столе, ни на полке в кухне. Темно и холодно в доме. Да еще жена сегодня задерживается на подработке. Такие времена, что за любую возможность подзаработать денег приходится хвататься обеими руками. Настроение было отвратительным, как и этот сентябрьский вечер.

Эрно недовольно сдернул с вешалки куртку и вышел на безлюдную в такую погоду улицу. Ветер сразу стал забираться под куртку, трепать волосы. Курить, что ли, бросить, подумал Эрно. Сейчас не пришлось бы тащиться за квартал до магазина за сигаретами. И всегда жалко последних денег, чтобы купить сигарет в запас, чтобы не бегать вот так каждый раз.

Неожиданно вильнув с проезжей части, черный громоздкий «АРО» притормозил возле тротуара. Передняя дверь распахнулась, и на асфальт легко выпрыгнул спортивного вида молодой мужчина в черной кожаной куртке.

– Эй, товарищ, – весело обратился он к Уйваросси, – как проехать на улицу Ливезилор?

– Вы не в ту сторону едете, – буркнул Эрно. – Вам надо развернуться...

– А ты ведь Эрно Уйваросси? – перебил его незнакомец. –

Я тебя узнал. Мы с тобой сидели рядом позавчера на проповеди у падре Текеша. Мы с тобой единственные, кто подписали его письмо епископу.

– Не помню тебя, – угрюмо покачал головой Эрно и стал озираться по сторонам. Ему очень захотелось сейчас закурить. А лучше вернуться поскорее домой и крепко выпить.

– Да ты что, товарищ! – засмеялся мужчина, доставая из кармана пачку сигарет. – Мы же с тобой одно общее дело делаем, мы нашему пастору помогаем. Закуривай! Я вот что хотел тебе еще тогда на проповеди сказать, да ты быстро ушел...

Я в тот день ушел последним, подумал Эрно, вытаскивая из предложенной пачки сигарету и прикуривая от дорогой заграничной зажигалки, которую поднес незнакомец. Навязчивый тип, отделаться бы от него побыстрее. Но первая же затяжка заставила Эрно испугаться. Дыхание перехватило, голова закружилась так, будто он вдохнул ядовитой краски, как это было в прошлом году во время ремонта. Он вырвал сигарету и выпученными от удушья глазами уставился на незнакомца.

Из машины вышел еще один человек. Деловито глянув по сторонам, он зажал рот Эрно тряпкой. Дальше все поплыло. Уйваросси только почувствовал, что его оторвали от земли и положили на что-то жесткое. Может быть, даже бросили, только боли от падения он не почувствовал. Все тело как онемело. Он попытался закричать, ударить ногами, упереть-

ся руками, но конечности его не слушались, а раздувшееся тело все больше заполнял страх. Он даже закричать не смог, из горла удалось выдать только протяжный стон.

– Поехали, – услышал он. – Хватит с ним нянчиться. С этими активистами только так и надо. Их как свиней надо резать, а головы отправлять по почте друзьям и родственникам, чтобы другим неповадно было.

Глава 1

ФРГ, Бонн, Отель «Бристоль», Принц-Альберт-штрассе,

2.

За два месяца до событий в Румынии

– Господа, здесь в шикарном немецком отеле с видом на Кайзер-плац легко рассуждать о судьбах мира, но надо же придерживаться и выработанной нами линии развития событий в Восточной Европе.

Специальный представитель госдепартамента США Арнольд Байзер расхаживал по комнате, смежной с конференц-залом отеля. У Байзера был вид аиста на болоте. Сходство добавлял высокий рост американца и его манера ставить ноги. Комната была защищена от прослушивания, здесь можно обсуждать судьбы Европы вполне спокойно. Хотя защищена она была от прослушивания чьих угодно спецслужб, но, очевидно, не от американского АНБ. И представители западногерманской разведки, и сотрудники ЦРУ, видимо, прекрасно знали об этом. И если американцев это устраивало, то немцам было просто некуда деваться.

– Фактический распад СССР начался, – продолжал Байзер. – Азербайджан вышел из состава страны, Прибалтика фактически выходит, в связи с объявлением экономической самостоятельности. Горбачев играет нам на руку. Он согласился, точнее, не стал вмешиваться в процесс физического

и политического разрушения Берлинской стены.

– Горбачев во многом играет нам на руку, – усмехнулся представитель ЦРУ полковник Фанк. – Он вполне успешно режет свои ракеты средней и малой дальности по договору об ограничении и не проверяет, что мы у себя делаем с ракетами этого класса. Советскому лидеру льстит, что Рейган называл его своим личным другом. С президентом Бушем он более осторожен, но от принятых обязательств по-прежнему не отступает. Я полагаю, что Восточную Европу Горбачев нам сдаст. У него просто не будет иного выхода. Венгрия и Польша уже отошли от социалистических принципов, в Чехословакии коммунистическая партия теряет влияние и свою правящую роль.

Фанк достал носовой платок из кармана пиджака и старательно промокнул бритую наголо лобастую голову. Его помощник, майор Энтони Дэкстер, не в пример своему шефу имел густую шевелюру и даже красивые прямые английские усы. Дэкстер откашлялся и заговорил, получив молчаливый кивок-разрешение от шефа.

– Мы полагаем, что следует детально рассмотреть ситуацию в Румынии. Наши аналитики считают, что именно Румыния является наиболее подходящим претендентом для взрыва всего региона. Несмотря на то что все основные положения «меморандума 20/1»² выполняются, аналитики ЦРУ

² Меморандум 20/1 СНБ США («Задачи в отношении России») представляет собой подготовленный Советом Национальной безопасности США по запросу

полагают, что для дальнейшего течения процесса необходим катализатор. Нужна революционная ситуация хотя бы в одной стране, массовые выступления с жертвами и жесткая политика в отношении свергнутого лидера.

Представители западногерманской разведки переглянулись. То, что львиная доля аналитики выполнялась в недрах именно БНД и рекомендации давались как раз из Пуллаха, из штаб-квартиры аналитического подразделения, сейчас никто не упомянул. Мало кто знал или хотя бы задумывался о том, что по истечении более сорока лет после окончания Второй мировой войны и капитуляции нацистской Германии эта страна оставалась все еще оккупированной США. Четыре бригады американского спецназа, расквартированные на территории Западной Германии, обладали несравненно более высокой боеспособностью, чем весь бундесвер. Да и вся «геленовская» разведка была создана специалистами США и долгое время работала под их непосредственным контролем, который значительно упал к концу 80-х, но, как считали многие, не исчез совсем.

– Почему Румыния? – не столько удивился, сколько предложил обосновать предложение Байзер.

– Видите ли, Чаушеску является наиболее сильным ли-

министра обороны Джеймса Форрестола аналитический документ о долгосрочных целях политики США в отношении СССР. Этот документ был составлен во время кризиса, связанного с советской блокадой Западного Берлина, и не связан ни с Аленом Даллесом, ни с ЦРУ. «Планом Даллеса» его стали называть с подачи журналистов, падких до сенсаций и международных разоблачений.

дером среди руководителей стран-участников Варшавского Договора и членов СЭВ. Сильным и независимым. Он сумел сохранить независимость от Москвы. Он даже сумел избежать необходимости делать выбор в пользу советского или китайского курса в мировом коммунистическом движении. И он сумел сохранить хорошие отношения как с Советским Союзом, так и с КНР. Вы знаете, как Чаушеску называет их партийная пресса? «Гений Карпат». И по-своему он гениален. Все годы своего правления он умело балансировал на грани дозволенного и недозволенного. Румыния в 1968 году отказалась присоединиться к вводу войск Варшавского Договора в Чехословакию для подавления народных волнений. А в 1979 году Чаушеску не поддержал ввод советских войск в Афганистан. А еще лидер румынских коммунистов не присоединился к «социалистическому» бойкоту летней Олимпиады в Лос-Анджелесе.

– Да, – согласился Байзер, – но я знаю, что эта своенравность Чаушеску обходилась всегда очень дорого. Осложнение отношений со странами-участницами Совета Экономической Взаимопомощи болезненно сказывалось на экономике самой Румынии. Не забывайте, что более 60 процентов ее внешней торговли приходилось на долю СЭВ. А из-за истощения нефтяных ресурсов Румыния влезла в большие долги. За последние двенадцать лет она получила 22 миллиарда долларов западных кредитов и займов. Между прочим, 10 миллиардов – от США.

– Вот с этого и надо было начинать, – усмехнувшись, шепнул один из немецких представителей своему коллеге. – Свои инвестиции спасать надо. Тем более что срок погашения не за горами. 1990–1996 годы, кажется.

– Так что, – продолжил Дэкстер, – учитывая своеобразие этой страны, отличающее ее от других стран социалистического лагеря, мировое сообщество сразу отметит, что именно здесь лежит причина тех событий, которые мы инициируем. Это во-первых. Второе, несколько лет назад Чаушеску приказал прекратить заимствование и любой ценой выплатить имеющийся внешний долг. Потребление внутри страны подверглось жесточайшим ограничениям. В настоящий момент Румыния буквально погрузилась в нищету. Соответственно, правящий режим стал еще более репрессивным. Это прекрасная почва для массовых народных выступлений. Обратите внимание, что на первых порах они не будут носить политического характера. И третье, в Румынии нет советских войск. Тут мы избежим прямого столкновения между советской армией и румынским народом, как это было в Чехословакии и Венгрии. Так что, господа, участь этой страны – шумно и болезненно выпасть из обоймы коммунистического востока и потянуть за собой другие страны Варшавского Договора.

– Ну, что же, – задумчиво проговорил Байзер. – Наши позиции здесь совпадают. Ваша задача направить в Румынию наиболее подготовленных сотрудников. Никакого видимого

руководства событиями, все должно выглядеть как стихийное выступление народных масс и антиправительственной оппозиции. Есть какие-то пожелания и предложения у наших немецких коллег?

Генерал Клаус Хуперт проработал в разведке тридцать лет. Большую часть как раз в управлении, ориентированном на Восточную Европу. Он хорошо знал специфику этого региона, знал особенности «социализма» каждой страны, входящей в Варшавский Договор. Он смотрел на американцев без всякого выражения, только равнодушно поблескивали очки в тонкой металлической оправе, да ухоженные пальцы генерала, сплетенные между собой, лежали на коленях без движения вот уже почти полчаса.

– Мы бы рекомендовали организовать определенное мнение в среде национальных меньшинств. В Румынии очень сильны немецкие и венгерские диаспоры. Мы полагаем, что следует поднять шум и организовать массовые отъезды по двум причинам: ухудшение экономической ситуации в стране и притеснение национальных меньшинств.

– Не заподозрят ли наши политические оппоненты, что это как раз и есть признак приближения государственного переворота? – спросил Байзер.

– Скорее, они поверят в то, что ситуация в стране близка к естественному краху государственной идеологии, – вставил второй представитель немецкой разведки полковник Петер Кубе. – Мы не дадим возможности заподозрить переворот.

Никаких вооруженных групп гражданского населения, никакого оружия и схронов в лесах. Мы просто развалим страну как карточный домик. Все займет не месяцы или недели, а считанные дни. Правда, если не вмешается советская разведка. Но им сейчас не до этого, они свою страну пытаются спасти.

...Полковник Фанк уселся в машину на переднее пассажирское сиденье и торопливо захлопнул дверь из-за противного морозящего дождя. Дэкстер уже сидел за рулем, выжидающе глядя на шефа.

– Какие будут указания, полковник?

– Я думаю, Тони, что тебе следует отправиться в Румынию самому, – со вздохом сказал Фанк. – Госдеп, как всегда, торопит и смотрит на проблему поверхностно. Им все кажется простым, они всех держат за идиотов. Румыния – страна не простая, Чаушеску успел за долгие годы сформировать команду. Другое дело, как быстро его соратники покинут своего вождя.

– Кроме соратников, в тяжелые для страны годы вдруг обнаруживается еще и многомиллионный народ, который хочет кушать и с уверенностью смотреть в завтрашний день, – засмеялся Дэкстер. – И зачастую это более серьезная сила, чем приближенные вождя, которые наверняка уже посматривают на запад с чемоданами награбленного в руках.

– Вот ты этим и займешься, Тони, – сказал Фанк. – Поехали. Завтра ты должен выехать в Румынию. Помни, на

начальном этапе никаких политических лозунгов. Только недовольство народа своим положением. Только хлеба, Тони, только хлеба.

– Остается еще советское посольство, полковник. Пока дипломаты только подозревают события, но не видят, что они разразятся буквально завтра, они не вывезут свои архивы. А потом полиция и армия перейдут в другое подчинение, и буквально несколько удобных для нас дней полной анархии, беспорядков и безвластия окажутся упущенными.

– Это я поручу «Бруно».

– Вы уверены? – Дэкстер иронично усмехнулся.

– «Бруно» опытный разведчик, а в той ситуации, которая возникнет в Румынии, нужно будет оригинальное нестандартное оперативное мышление. «Бруно» часто работает на интуиции, хорошо чувствует общую обстановку.

– «Бруно» еще не работал самостоятельно в таких сложных операциях.

– Когда-то надо начинать, Тони. И не надо ревности, ты же разведчик. Общее руководство все равно остается за мной, а вы выполняете каждый свою задачу.

За два дня до событий в Румынии. Италия, Неаполь

Станислав Сергеев в структуре советского МИДа работал уже не первый год, но все равно не считал себя человеком, который повидал белый свет. Может быть, причиной тому была специфика его работы, которая отнимала львиную до-

лю времени, не оставляя возможности посмотреть города и страны, в которых приходилось бывать. Иногда не оставляла и сил. И сегодня он считал, что ему крупно повезло, потому что встречу ему назначили не в здании консульства, а в Национальной галерее Каподимонте.

Как Штирлиц, с усмешкой думал Сергеев, отправляясь на такси к месту встречи, хотя понимал, что у помощника консула просто не хватает времени на все переезды. А инструкции специальному представителю МИД Сергееву он должен передать обязательно сегодня. Почему именно сегодня и в это время? Вот это он и узнает, когда они встретятся. Обстоятельства складываются порой так замысловато, что впрямую хоть предлагать сюжет модному автору детективных романов.

Два месяца Сергеев проработал в Северной Африке в самом напряженном ритме. Все материалы по испанским фирмам, которые американцы использовали как прикрытие для своих агентурных и антитеррористических операций в Ливии и соседних странах, ему приказано было срочно вывезти сюда, в Италию. Причем не «светиться» в посольстве в Риме, а прибыть в Неаполь. Когда все документы были опечатаны и помещены в надежный сейф, Сергееву велели ехать на встречу с помощником консула, который и передаст ему дополнительные инструкции. Там в северной части города проводился какой-то фольклорный фестиваль, на котором обязан был по своим должностным обязанностям быть наш

дипломат. Очевидно, инструкции он должен был передать Сергею срочно или срочно сообщить ему какую-то важную информацию. Обычное дело! Сергей глянул на часы и потянулся к телефону, чтобы вызвать такси.

Помощник консула Иван Иванович Климентьев был худ и костляв. Невероятно загорелый, с острым носом, он очень напоминал пирата, добавь ему только платок на голову, кольцо в ухо и пару пистолетов за пояс. Однако улыбка у этого человека была очень обаятельной и располагающей. Стоило ему пошутить и улыбнуться, как образ пирата ту же рассеивался.

– Значит, вы, Станислав Васильевич, все материалы по Африке опечатали и положили в сейф? – спросил Климентьев. – Хорошо. Теперь они не ваша забота, теперь ими займемся мы.

– А что со мной? – спросил Сергей. – Как-то меня не вовремя выдернули из Ливии, оборвали всю работу.

Климентьев не сразу ответил, продолжая идти рядом по аллее густого парка и доброжелательно поглядывая на встречных гостей фестиваля. Сегодня после грозового дождя здесь, на вершине холма Каподимонте, воздух был чист и почти прозрачен, что не характерно для такого крупного современного города. Сергей не торопился. Он знал, что такое дисциплина, знал, что в их работе ничего случайного не бывает, ничего не делается просто так. И если сейчас старший товарищ, которому поручено передать Сергею нечто

важное, молчит, значит, ему надо подумать и взвесить свои слова.

Станислав шел, разглядывая величественное здание бывшей королевской резиденции, в котором теперь располагался Музей и Национальная галерея. Сергеев уже успел немного пройтись по залам. Коллекция впечатляла: живописные полотна Беллини, Боттичелли, Караваджо, Тициана, прекрасная коллекция фарфора.

– Вы уже не мальчик, Станислав Васильевич, – заговорил наконец Климентьев, – хотя сотрудник и молодой. Я слышал о вас. Хвалят вас, кое в чем даже в пример ставят более опытным сотрудникам. Но в этом может быть и ваша беда. Как повезет.

– Не понимаю вас, Иван Иванович, – насторожился Сергеев. – Загадками изволите говорить.

– Да какие уж к лешему загадки, – вдруг нахмурился Климентьев. – Мы тут, я имею в виду за границей, из кожи лезем, отстаивая интересы государства, а Москва у нас сидит с растопыренными пальцами, через которые, как песок, утекает то, что создавалось не годами и десятилетиями, а веками. Великие князья зéмли собирали, к государям за помощью приходили цари иноземные и просили взять к себе в состав империи и обещали служить верой и правдой царю русскому.

– Вы говорите сейчас о предпосылках к развалу СССР и отсоединению некоторых республик? Так это в Конституции

еще было заложено. Неприятно, но, может, экономически это и оправданно?

– Вы сейчас себя или меня успокаиваете? – грустно улыбнулся Климентьев.

– Не знаю, – вздохнул Сергеев. – Конечно, я вижу тенденцию, просто о последствиях думать не хочется, страшновато. И, как всегда, еще со времен школьной скамьи верится в мудрого старшего товарища, в умного дяденьку, который не позволит, который разберется, и все станет как раньше. Хотя, вы правы, детство кончилось, эпохи меняются. Что, все так плохо? Или будет еще хуже?

– Я бы сказал даже, что происходящее не столько плохо, сколько глупо. А насчет того, как будет, я вам скажу, Станислав Васильевич. Никогда не относитесь плохо ни к будущему, ни к прошлому. Оно было и оно будет вне зависимости от нашего желания. Не хочу подозревать и самое плохое, но об этом лучше не говорить даже здесь. Учитесь, мой молодой друг, относиться ко всему философски. Будущее не будет ни хорошим, ни плохим. Оно просто будет другим, потому что все в этом мире меняется. – Климентьев помолчал немного, поглядывая по сторонам, потом снова заговорил: – Вот что, Станислав Васильевич. Вам предписано срочно вылететь в Москву.

– Причина такого срочного вызова известна?

– Ну откуда же я могу знать, – улыбнулся Климентьев. – Хотя все равно знаю: нужны ваши консультации по Латин-

ской Америке. Кубинский вопрос не ваш, но там все взаимосвязано, включая кубинских добровольцев в Никарагуа. Сюда принять ваши дела по Африке прибудет другой товарищ, мы ему все передадим. Думаю, что он будет в курсе основных событий и ваших документов по Ливии. Но самое главное, не покидайте Москвы. Возможно, к вам будут обращаться, и не раз. Это моя к вам, Станислав Васильевич, личная просьба. Московскому нашему аппарату все равно. Им бы лишь приказ отдать: принять ваши дела и активизировать работу. А как с вами связь поддерживать, они решать не будут, это наша головная боль. Так что я вас прошу.

– Хорошо, Иван Иванович, – кивнул Сергеев. – Я обещаю не отлучаться из столицы, если меня, конечно, опять куда-нибудь не отправят в таком же авральном порядке.

– Ну. – Климентьев картинно развел руками. – Мы люди служивые, такая наша планида, как говорили древние. Как там у Островского, помните? «Уж буду все терпеть... бедствовать буду... такая моя планида».

– Помню. Это из «Бедность не порок».

– Гляди-ка, – засмеялся Климентьев, – начитанная молодежь у нас пошла.

– Просто я со школы еще, когда Островского проходили по литературе, слово «планида» запомнил. А заодно и из какого произведения тоже.

Аэропорт Каподичино располагался в центре Неаполя,

что, с одной стороны, было очень удобно для пассажиров. Но вряд ли жители Неаполя были в большом восторге от постоянно ревущих авиационных моторов над головой.

Сергеев приехал почти к окончанию регистрации рейса на Москву. Сдав чемодан в багаж, он при себе оставил только один большой кожаный портфель, который он использовал как дорожный кейс. Все самое необходимое, что может пригодиться в пути, даже если с чемоданом что-то случится. Туалетные принадлежности, салфетки, блокнот с авторучкой, пара журналов.

Этот портфель Станислав купил два года назад в Испании и очень дорожил им. Объемный, но не громоздкий, много отделений внутри и кармашков снаружи, застегивающихся на молнию или клапаном с защелкой.

Время еще было, и Сергеев решил зайти в открытое кафе и выпить чашку кофе. Поднявшись на второй этаж, он занял столик у окна и, заказав кофе, стал смотреть на улицу.

Трудно привыкнуть к тому, что декабрь в любой стране может отличаться от привычного тебе московского декабря. В Москве уже ждут Новый год, ищут елки и мандарины. Наверное, уже и снег лег, побелели улицы и парки. А здесь, в Неаполе... Днем сегодня было +14, ночью, кажется, температура упала до 9 градусов тепла. Да что воздух, тут в море еще купаться можно, море еще не остыло, его температура у берега на пляжах выше 17 градусов. Италия! А в Ливии еще хуже было.

Размышления прервала девушка, которая у самого столика, за которым сидел советский дипломат, уронила свою сумочку, рассыпав всякую мелочь из косметички. Она так забавно всплеснула руками и с таким торопливым отчаянием бросилась собирать с пола свои вещи, что Сергеев не выдержал. Он поднялся из кресла и присел рядом, помогая девушке.

– Спасибо, сеньор! Я не знаю, как это получилось, – на плохом итальянском заговорила девушка.

– Не беспокойтесь, – ответил Станислав с улыбкой и только теперь разглядел, что девушке было явно за 30.

Эта дамочка умела следить за собой и создавать внешностью и поведением видимость чуть ли не девственной молодости. И как же к ней обратиться, мысленно усмехнулся Сергеев, сеньора или сеньорита? Когда он собрал, наконец, раскатившиеся по полу губную помаду, тушь и другую мелочь, женщина уже стояла и смотрела на него с жалобно-виноватым видом.

– Пожалуйста. – Станислав положил на стол собранное с пола и решил, что галантным стоит оставаться до конца. Дамочка ему понравилась. – Может быть, присядете и выпьете чашку кофе?

Женщина стояла возле кресла, на котором лежал его портфель. Сергеев переложил его и сделал приглашающий жест. Но дама, торопливо сложив свои вещи в сумочку, одарила его ослепительной улыбкой, в которой уже не было и сле-

да смущения, и упорхнула в сторону лестницы, ведущей на первый этаж.

М-да, дорожное приключение не состоялось, с невольной улыбкой подумал дипломат. А было бы приятно и даже скрасило бы мое путешествие, например, то, что она тоже летит в Москву. И наши кресла оказались рядом. И я бы любовался весь полет ее профилем, чуть касался своим локтем ее локтя. И ощущал аромат ее волос. Хороша чертовка, но, увы, я на работе. Ладно, помечтали и забыли.

Естественная итальянская эстетика и простота сменились чисто немецкой пунктуальностью и вежливой холодностью немецких стюардесс, когда он поднялся на борт самолета «Люфтганзы». Короткий инструктаж пассажиров, пристегнутые ремни, напитки после набора высоты, худые ноги стюардесс под короткими форменными юбками. Сергеев закрыл глаза и решил чисто эмоционально отдохнуть. Сейчас можно отрешиться от всего и просто побыть глубоко внутри себя. Как редко это удается при его работе, тем более что в отпуске он не был уже два года. И дома он бывал урывками, всего по несколько раз за время пребывания в Москве.

Интересно, думал Станислав, а я могу вот так отвыкнуть от родины? Нет, не просто решив, что тебе ближе культура другой страны. Она ближе никогда не станет, а вот уровень комфорта зарубежных развитых стран, обилие товаров в магазинах, чистота и порядок на улицах. Сможет ли это подвигнуть меня на то, чтобы я стремился чаще бывать там и реже

возвращаться в Москву?

Мысль была неожиданной и интересной. Станислав стал размышлять и сравнивать, что для него важнее. И сразу вспомнились подмосковные леса, станции пригородных поездов, старые московские дачи, московское метро, в которое иностранцы спускаются только для того, чтобы заворуженно полюбоваться архитектурой. А Воробьевы горы, а Водный стадион... Мысли плыли и плыли, унося его в детство, когда еще были живы родители, когда он бегал в одних трусах на даче с пацанами на речку. Пропали она пропадом эта за-граница, вяло думал Станислав. Чистенькая, равнодушная, сытая, избалованная, быстро забывшая уроки Второй мировой войны. А ведь снова поднимают голову и нацистские организации, в основном вербующие молодежь, разлагают общество неформальные движения. Гомосексуалисты, наркоманы, проституция. Уму непостижимо, но во многих странах есть официальные публичные дома, а в Голландии целый квартал.

– ...просьба не беспокоиться. Наш лайнер совершит посадку в аэропорту Белграда.

Сергеев открыл глаза. Этого мне только не хватало! Немецкий самолет, немецкое качество и вынужденная посадка в середине рейса – это как-то уж совсем не вяжется. Черт, завтра 16 декабря, завтра ему нужно быть у себя в министерстве. Судя по реакции пассажиров, для них эта вынужденная посадка была такой же неожиданностью.

– Что произошло? – спросил Сергеев у соседа по креслу.

– Неизвестно, – недовольно пожал плечами пожилой немец. – Ничего не объяснили, сказали лишь, что посадка вынужденная и будет сделана в Белграде.

Пассажиров вывели из самолета и сразу подали большой автобус-гармошку, который отвез всех к зданию аэровокзала. Выяснив у диспетчеров, что самолет дальше не полетит и что пассажиров будут распределять по другим рейсам в соответствии с маршрутом следования, Сергеев сразу понял, что ему в Москву не улететь. Прямого рейса из Белграда не было. А это означало, что ему предстоит потерять время на получение багажа, потом на процедуру регистрации и перебронирование билета, потом полет до промежуточного пункта, потом снова высадка и снова посадка со всеми вытекающими потерями драгоценного времени.

К его огромной радости, через справочную службу удалось выяснить, что из Белграда без пересадок можно добраться поездом до Киева. А уже в Киеве пересесть на прямой экспресс до Москвы. По времени может быть чуть дольше, чем самолетами через промежуточные города, но зато гарантированно. В любом аэропорту можно просто не успеть на очередной рейс и просидеть в зале ожидания сутки до следующего.

Заказав билет на поезд, Станислав умудрился быстро получить в багажном терминале свой чемодан и ринулся на улицу к стоянке такси.

– Ах. – Женщина упала на одно колено и выронила из рук сумку.

Сергеев остановился и с недоумением уставился на свою старую знакомую. Ту самую миловидную женщину, что возле его столика рассыпала содержимое своей сумочки. И вот опять она упала почти у его ног. Теперь она, видимо, сломала каблук. Это не женщина, а тридцать три несчастья! Сергеев поставил чемодан и присел рядом с ней на корточки.

– Это опять вы! Что с вами теперь случилось, сеньорита?

– А это опять вы, мой незнакомый рыцарь? – улыбнулась женщина и, страдальчески улыбаясь, протянула ему руку. – И как всегда, вовремя приходите мне на помощь.

Помощь сыпавшимся ему под ноги вторые сутки женщинам в планы Сергеева сейчас совсем не входила. Он оглянулся по сторонам. К ним уже спешили двое сотрудников аэропорта. Ну вот. На этих ребят женщину вполне можно оставить. Это их работа. Но пострадавшая, видимо, ждала помощи только от Сергеева.

– Вы правы, я по вашим глазам поняла, – заговорила она, опираясь на руку дипломата, с трудом вставая и охая. – Я не итальянка. Меня зовут Мирела Кодзяну.

– Очень приятно, Мирела, – ответил Сергеев и тут же передал женщину подоспевшим сотрудникам. – Господа, дама подвернула ногу и сломала каблук. Помогите ей, пожалуйста. Я спешу на вокзал.

– Мадам, с вами все в порядке? – поддерживая Мирелу

под локти, стали выяснять парни. — Мы отведем вас в комнату ожидания и поможем с обувью. У нас есть превосходная обувная мастерская. Вы сможете отправить посыльного.

Сергеев обернулся и вежливо помахал даме ручкой. Его удивило, как эта Мирела Кодзяну смотрела на него. То ли разочарование, то ли недоумение. Понравился он ей, что ли? Но не до такой же степени, чтобы впасть в истерику из-за того, что он не стал ей помогать, а передал сотрудникам аэропорта. Да и с какой стати?

Странная дама, думал Сергеев, поднимая руку и останавливая такси у входа, надо же, какая липучая.

На вокзале ему повезло. Поезд через Румынию, напрямик, минуя Будапешт, через Тернополь, по самому кратчайшему маршруту на Киев отправился через два часа, увозя его от проблем мадам Кодзяну и пассажиров злополучного рейса «Люфтганзы».

Стало темнеть. Он заказал себе ужин в купе, а после долго сидел со стаканом чая у окна, задумчиво и спокойно глядя на пробежавшие мимо окон темнеющие, как будто тающие, ландшафты. Мерный стук колес навевал дрему.

Станислав протер глаза, решив, что пора ложиться спать. Одноместное купе имело смежный с соседним купе санузел. Запер дверь, снял с вешалки полотенце, взял свой портфель. Но когда он его расстегивал, чтобы достать туалетные принадлежности, под руку попался внешний кармашек. Как-то он его так сжал рукой, что сразу почувствовал, что в нем что-

то есть.

Странно, у меня в наружных кармашках ничего никогда не лежит. Привычка такая: все только внутри. Опустившись на диван, Сергеев поставил портфель на колени и расстегнул кармашек. Сунув туда руку, вытащил обычную батарейку Eveready. Маленький черный параллелепипед с надписью на двух сторонах, номинал 9 вольт. По внешнему виду батарейка новая. Сразу всплыло в памяти, как в детстве мальчишки проверяли, есть ли еще зарядка в батарейках для карманных фонариков. Kontakтами они касались влажного языка. Если язык щиплет, значит, фонарик будет гореть. Сергеев приложил контакты к языку. Никакой реакции. Батарейка была «пуста» или сильно «посажена».

Итак, вопрос: как в его портфель попала батарейка? Что она из себя может представлять, кроме собственно батарейки? Он только что опрометчиво коснулся контактов языком, а если это не батарейка, а контейнер для переправки чего-то опасного или важного. Варианты: замаскированное подслушивающее устройство, контейнер для переправки через границу шпионской информации, контейнер для хранения, а может, и распыления отравляющего вещества массового поражения. Например, бросаешь такую «батарейку» в реку в районе водозабора крупного промышленного центра и...

М-да, почесал подбородок Сергеев, имеем два неприятных момента. У меня в портфеле находится непонятный предмет, подложенный чьей-то рукой умышленно. И второе,

я эту фигню везу через две границы в Советский Союз. Открывать этот предмет нельзя, да и не знаю я, как его открывать. Оставлять при себе опасно, потому что скоро румынская граница. И еще. Я основательно залапал пальцами эту «батарею». Теперь на ней только мои отпечатки, что усугубляет мою вину в глазах пограничников.

Станислав был далек от мысли выбросить неизвестный предмет в окно. Работа в МИДе и постоянные острые ситуации, которые наполняли эту работу почти в каждой стране, приучили его искать решение продуктивное и рациональное. Выбросить предмет, уничтожить его – решением не является. Это уход от решения.

Сергеев поразмыслил немного, потом достал полиэтиленовый пакет, замотал в него «батарею» и один край надежно заплавил зажигалкой. Прислушался к звукам за дверью туалета, ведущей в соседнее купе, различил там смех и голоса. Несколько секунд ему понадобилось, чтобы раскрутить сливной сифон под раковиной. Прикинув форму своего маленького свертка, он уложил его так, чтобы тот не снесло потоком воды. Закрутив сифон, открыл воду. Да, вода уходила из раковины в слив заметно медленнее. Но если бы он не знал причину, то в глаза ему это бы не бросилось.

Умывшись, Сергеев улегся и потушил свет. Вагон еле заметно покачивался, под перестук колес глаза сами стали закрываться. Буквально через минуту он уснул крепким сном, к которому его приучила работа. Отдохнуть и высыпаться на-

до везде, куда бы ни забросила служба и в каких бы ты условиях ни оказался.

Проснулся Сергеев на рассвете от тишины. Поезд стоял. Потом стали слышны резкие возгласы, захлопали двери тамбуров, по коридору затопали ноги. Посмотрев на часы, Станислав понял, что по времени это уже должна быть румынская граница.

В дверь постучали вежливо, но настойчиво. Один голос что-то потребовал на румынском, тут же второй голос сказал, видимо, то же самое уже на английском с сильным славянским акцентом.

– Прошу открыть дверь и приготовить документы. Пограничный контроль.

– Одну минуту, я оденусь – громко ответил Станислав, бросив взгляд на дверь туалета. Дверь он изнутри вчера запер. Хорошо.

На пороге стояли трое. Офицер румынской пограничной службы, молодой парень, видимо, в чине сержанта или другого младшего командира. Но в глаза бросился третий – человек в костюме, с пустыми, ничего не выражающими глазами. Этот третий Сергееву не понравился сразу. Пограничники сделали попытку войти в купе, но Станислав был непоколебим. Он протянул свой дипломатический паспорт и остался стоять в дверном проеме, хотя румыны его чуть ли не силой попытались втолкнуть внутрь.

Офицер листал паспорт дипломата, то и дело сверяя фото

в документе с живым лицом человека в купе. Было заметно, что тип в гражданской одежде бегаёт глазами по вещам Сергеева.

– Надеюсь, на этом все, товарищи? – вежливо осведомился Сергеев. – Мы все знаем, что мой багаж досмотру не подлежит без веских на то оснований. Только в присутствии представителя советского консульства.

И тут Станислав отчетливо услышал, что кто-то пытается открыть дверь из туалета в его купе. Взяв паспорт из рук пограничника, он закрыл дверь перед носом наряда и громко стал напевать «Из-за острова на стрежень». В туалете мгновенно притихли. А потом еле слышно щелкнул замок двери, которая вела в туалет из соседнего купе. Попытка попасть к нему тайком провалилась.

«Однако, – подумал Сергеев и опустил на диван, – это уже становится закономерностью. Помнится, в Никарагуа мне точно так же пытались подложить пакет с фальшивыми ассигнациями и липовые инструкции для террористов. И так же вот пытались «обнаружить» у меня этот компромат на границе. Там меня хотели скомпрометировать сразу и провалить мою миссию. Что здесь? Я ведь домой еду, никакой миссии. Но есть маленький контейнер, и есть аналогичная попытка у меня его изъять. Возможно, официально. Provocation? Но в данной ситуации она не имеет смысла. Но тем не менее ситуация есть, а значит, кто-то видит в этом смысл. Какой? Кажется, в туалет мне до конечной станции уже не

ходить. И если не удастся забрать контейнер из сифона, значит, не судьба, и гори он синим пламенем. Черт, не профессионально это – оставлять его здесь. Ладно, будем на своей территории, придется признаваться во всем пограничникам. Шума будет много, но хоть узнаем, что происходит. Ладно, будем придумывать, поспать все равно больше не удастся».

Глава 2

16 декабря. Тимшоара

Взявшись за руки, люди организовали живую цепь, не пропуская внутрь квартала машины и милицию. Небольшие патрули нерешительно топтались, не приближаясь к живой стене. В оцеплении были в основном молодые парни и девушки – этнические венгры. Несколько десятков человек дежурили возле дома пастора Текеша уже больше месяца после того, как 2 ноября четверо неизвестных попытались ворваться в квартиру венгерского священника. Семья пастора не пострадала, а сам он отделался порезами на лице. Теперь, когда руководство района получило приказ выселить пастора из его дома в рамках все той же программы «систематизации», большая часть паствы, особенно венгерская молодежь, возмущенная до предела, поднялась на защиту своих прав и своего пастора.

– Товарищи, не верьте обещаниям! – кричал со столба молодой мужчина, размахивая снятой с головы кепкой. – Сегодня они пообещают вам пойти навстречу, а завтра же ночью придут в ваш дом с солдатами. А несогласных будут убивать, как убили Эрно Уйваросси. Вспомните, неподалеку стояли работники милиции, когда в дом пастора ворвались убийцы. И никто не помог, никто! Потому что это политика государства, это не решение местного чиновника или партийно-

го руководителя. Требуйте своих прав, мы с вами такие же граждане Румынии, как и все остальные.

Несколько часов в квартале, где жил пастор Ласло Текеш, стоял невообразимый шум. А потом стали подъезжать машины с солдатами. И сразу над кварталом нависла гнетущая тревожная тишина. Стоявшие в оцеплении люди замолчали и только переглядывались, стараясь понять, готов ли идти с ним до конца его товарищ справа или слева – тот, с кем он сцепился руками, чтобы не дать свершиться гнусности и несправедливости.

Вопреки здравому смыслу к венграм стали вдруг подходить этнические немцы и румыны, жившие в этом квартале и неподалеку. Они вставали рядом с торжествующим видом, чувствуя свою силу, живую силу сотен и тысяч людей, которые, наконец, собрались в единый кулак и встали стеной против притеснителей. И снова в рядах людей стал подниматься гул.

– Разгонять нас будут, автоматы привезли с собой. Знаем мы, как они умеют прикладами работать!

– Солдаты не станут нас бить или стрелять в нас. Мы же социалистическое государство!

– Социалистическое? Мы жили лучше всех, а теперь и у нас ввели продовольственные карточки. А я всю жизнь рабочий, вот этими руками с металлом работал, а мне теперь говорят, что я плохо работал и в стране нечего есть. Может, плохо работали те, кто управлял страной?

– Они пастора обвиняют в разжигании межнациональной розни, товарищи, а он ведь только о народе и думал, Это все потому, что он статьи критические писал и критиковал правительство и партийную элиту. Я сам читал, наш Ласло Текеш никого не боится, на его стороне бог и народ. Мы все здесь!

Из подъехавшей прямо к толпе машины вышел высокий офицер с погонами подполковника. Он хмуро оглядел ряды молодежи и резко крикнул:

– Если вы не прекратите беспорядки, мы вынуждены будем применить силу! Что вы хотите? Вы понимаете, что идете против законной конституционной власти и вам никто не позволит нарушать порядок?

В ответ подполковнику полетели грубые насмешки и оскорбления. Молодежь начала горячиться, что-то уже неумовимо изменилось в толпе возмущенных людей, вышедших на улицы. Была пройдена грань между возмущением, готовностью добиваться своего и желанием разрушать. И когда на улицы вышли автомобили с громкоговорителями, когда зазвучали монотонные призывы разойтись по домам, предрекавшие неизбежное наказание тем, кто ослушается, упала последняя преграда, отделявшая мирных возмущенных горожан от неуправляемой разъяренной толпы.

В машины полетели камни и палки, опрокидывались урны, ломались ограды. И вот уже камни полетели в витрины магазинов, загорелись оставленные у тротуаров машины.

Толпа хлынула, растеклась по улицам, ее понесло к центру города. Туда же, к центру, стали стягиваться подразделения милиции, войска, на окраине города показались армейские бэтээры.

Сергеев заметил танки на загородном шоссе еще утром. Они стояли на обочине, задрав в небо стволы пушек, на броне покуривали танкисты в ребристых шлемах, возле армейских «уазиков» курили младшие офицеры. Какое-то непонятное напряжение чувствовалось в воздухе, в этом прозрачном сыром воздухе леса, в балочках и оврагах, засыпанных первым снегом, в грязных проселках. Осколки льдинок на разъезженных лужах выглядели как битое стекло. И от этой ассоциации на душе становилось как-то неуютно.

Через час состав втягивался на железнодорожную станцию города Тимишоаре. Сергеев стоял у окна и во все глаза глядел на бегущих по улице людей с палками. Они подхватывали с земли камни, битый кирпич и швыряли его куда-то. Станислав сначала не понял, куда, но потом увидел перевернутый милицейский автомобиль. На его глазах тот вспыхнул ярким огнем.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день, – пробормотал Сергеев. – Это что же здесь у них такое творится? Это же самые спокойные районы Румынии. Сытые и спокойные. Здесь сплошь переселенцы и сельскохозяйственные угодья. Что же тогда происходит в других районах страны? И ведь ни слова,

никакой информации о беспорядках.

Чаушеску, конечно, не подарок, уж это дипломаты знали прекрасно, но чтобы в Румынии началось такое... Хотя, может, именно в ней и должно такое начаться: здесь мирно с властью не справиться, соберись кто устроить государственный переворот.

Камень ударился в железную стенку вагона и, отскочив, покатился по платформе. Сергеев от неожиданности отпрянул от окна и, как оказалось, сделал это вовремя. Второй и третий камни угодили точно в окно его купе, которое тут же разлетелось осколками. Снаружи хлынул стылый влажный воздух. И теперь было хорошо слышно, что звенело стекло, камни били в вагоны во многих местах. Кто-то из мужчин подбегал к составу и со злостью бил по окнам палками. Они что-то кричали, но, не зная румынского языка, Сергеев не мог понять сути происходящего и требований разъяренной толпы. То, что она была именно разъяренная, сомневаться не приходилось. Магазины, машины на улицах, окна поездов – все это ясно показывало суть происходящих процессов.

Проводники бегали по вагону, на двух языках просили пассажиров срочно покинуть поезд и беречь глаза от летящих осколков стекла. Где-то на улице выли сирены, пронесся милицейский автомобиль, потом хлопки – и на асфальте стали рваться белым дымом газовые гранаты. Люди металась, пиная ногами источавшие дым цилиндры, закрывали лица полами курток, но слезоточивый газ проникал под

одежду, и демонстранты вынуждены были разбежаться в разные стороны.

Через несколько минут Сергеев, одетый, с чемоданом в одной руке и портфелем в другой спешил в потоке пассажиров по платформе. Куда, зачем, он еще не знал. Больше того, он предполагал, что у властей нет даже и намека на план прекращения беспорядков, защиты законопослушных граждан и вот таких пассажиров случайного поезда, попавшего «под раздачу».

Новая толпа разъяренных молодых людей появилась откуда-то из переулка, разметала поток пассажиров, пытаясь протолкнуться к запасным путям. За толпой гнались милиционеры в касках и с дубинками в руках. Кого-то настигали, валили на асфальт и после нескольких ударов сковывали руки наручниками. Сергеев крутил головой, прикидывая, где тут более спокойное место.

И в этот момент его ударили по голове. Он не ожидал удара и даже не успел испугаться. Он вообще ничего не успел, когда асфальт прыгнул ему в лицо. Хотя нет, Станислав успел подумать, что испачкает костюм и из-за этого будут проблемы с посадкой в поезд. Потом он потерял сознание.

Дежурный по отделу милиции, лейтенант с красными от бессонницы глазами, непонимающе глядел на своего начальника. Хмурый майор Дэнчулэ с пышными усами барабанил

пальцами по столу и сверлил лейтенанта взглядом.

– Товарищ майор, я уже столько пунктов инструкции нарушил, не говоря уже о незаконных процедурах задержания граждан...

– Ты что, Бажен! – рявкнул майор устало. – Забыл, что на тебе погоны и что приказы у нас принято выполнять беспрекословно? Не понимаешь, что творится на улицах Тимишоаре? Это же попытка государственного переворота! А во время особых обстоятельств и меры применяются особые. Ты знаешь, кто этот человек? Нет? Вот и я не знаю, а мне велели его задержать люди сверху.

– Так я и выполняю, – виновато кивнул лейтенант. – Что будет, если из городского управления приедут, а у меня раненый в камере без сознания лежит. Я, конечно, приказал оказать ему первую помощь, да и серьезного с ним вроде бы ничего нет. Оглушили его по голове – и все.

– Вот видишь. Ты же сам сейчас признал, что ничего серьезного с ним нет. Пока мы с тобой тут разговариваем, он, может, уже и в сознание пришел. Но ты не торопись его допрашивать, протокол заводить и личность устанавливать. Пусть посидит. Я сейчас приведу людей, которым ты дашь осмотреть его вещи. И никаких вопросов, понимаешь? А то ты так и закончишь службу лейтенантом.

В дежурную часть зашли двое. Мужчина в дорогом коротком пальто наверняка был из Секуритате. Этих лейтенант Бажен Ванич узнавал сразу по манере держаться, по взгля-

дам – самоуверенным и независимым. Он, конечно, понимал, что были и другие сотрудники органов государственной безопасности, кому просто по роду работы надо быть незаметным и неузнаваемым. Но те, кто представлял лицо Секуритате во всех государственных структурах, были... хотя, наверное, он просто их сильно не любил.

– Покажите, товарищ лейтенант, – приказал Дэнчулэ, – вещи, изъятые у задержанного, которого доставили к нам со ссадиной на голове.

Ванич еле сдержался, чтобы не поморщиться от такого иносказания. Нелепость на уровне государственных органов. Не установив человека, не отправив его в больницу, вообще не видя его вины в каком-либо преступлении или в нарушении общественного порядка, его держат в камере вот уже пять часов. Да за такие вещи прокуратура... А что прокуратура, остановил сам себя лейтенант, когда здесь представитель органов пострашнее?

– Вот прошу, товарищи. – Ванич вытащил из шкафчика кожаный портфель, проявив свой протест тем, что поставил его не перед холемым сотрудником Секуритате, а перед молодой симпатичной женщиной, пришедшей с ним.

Видимо, она эксперт-криминалист, решил лейтенант, хотя может оказаться и свидетелем. И опять нарушение, так следственные мероприятия не проводятся. Где понятые, где другие портфели, из которых для чистоты эксперимента свидетельница должна выбирать тот, что имеет отношение к

преступлению. Что же происходит? Не о таком думал молодой лейтенант, окончив офицерскую школу и начав работу в милиции. Он видел себя умным и проницательным сыщиком, следователем, распутывающим хитроумные схемы преступников. А его посадили в дежурную часть маленького отдела милиции и заставляют нарушать закон.

Где-то далеко в городе вдруг послышались характерные хлопки выстрелов. В дежурной части замерли, прислушиваясь к звукам. Наверное, даже не владевшие информацией о происходящем в городе, где-то глубоко внутри ждали такого развития событий. Стрелять должны были начать неизбежно. Страшно подумать, но на улицах творилось невообразимое, в городе появились военные бронетранспортеры.

– Это все? – с сильным акцентом спросила девушка, перебрав содержимое портфеля, вываленное ее спутником прямо на стол. – Вы задержанного обыскивали?

– Конечно, – уже с вызовом ответил лейтенант. – Мы обыскали его, как положено, перед тем, как поместить в камеру. Это обязательная процедура.

– Ну? – холодно уставилась женщина на лейтенанта.

– При нем ничего не было. В том смысле, что ничего важного из документов.

– Мы сами решим, что важное, а что пустяк, – вдруг зло процедил сквозь зубы мужчина в пальто и посмотрел Ваничу в глаза так, что у лейтенанта сразу похолодело внутри.

– При задержанном не было документов, – стараясь

скрыть дрожь в голосе, ответил Ванич. – Вот, указано в акте осмотра личных вещей, что в карманах обнаружен носовой платок, пачка сигарет «Лаки Страйк», зажигалка итальянского производства. Все это лежит вон в том бумажном пакете.

– Товарищ майор. – Женщина повернулась к Дэнчулэ. – Ваши сотрудники тщательно обыскивают задержанных, они прощупывают их одежду, снимают обувь? Я вижу, что брючный ремень с задержанного сняли.

– Это стандартная процедура, – хмуро пояснил майор. – Одежда прощупывается в обязательном порядке. В практике милиции достаточно случаев, когда у задержанных в одежде обнаруживались иглы, бритвы или самодельные колющие и режущие предметы, которыми они наносили повреждения себе, чтобы избежать наказания, или окружающим. Осматриваем одежду мы очень тщательно.

Станислав пришел в себя и сразу вспомнил все до самой последней секунды. Поезд, разбушевавшиеся демонстранты, которые уже начали бить стекла в магазинах, поджигать машины и даже накинулись на пассажирский поезд. Пассажиров вывели в город, путь им пересекла толпа демонстрантов, преследуемая милицией. Потом удар по голове. Кажется, все. Нет, что-то еще.

Ах, да, дурацкая «батарея», которую он прятал в санузле. А потом, когда началась паника и всем велели выметать-

ся из вагона, у него просто не было времени, чтобы осмыслить свое положение и решить, что сделать с этим неизвестным предметом. И он не придумал ничего лучше, как спрятать его себе в плавки. Да, он снял трусы и надел плавки. Сергеев хорошо знал, что обыскивают всегда не только карманы, прощупывают всю одежду, все швы, даже портфель могут распороть на отдельные детали, чтобы убедиться, что под подкладкой ничего не спрятано.

Трусы не ахти какое надежное место, но все же лучше, чем карман. Просто, если эту вещь начнут искать серьезно, то бесполезно прятать ее даже в... И туда пальцами залезут. Так что все, кажется, при мне. Убедившись в этом на основании своих ощущений, Сергеев все же открыл глаза. Этого и следовало ожидать. Голова болит, над ним второй ярус железной кровати с панцирной сеткой, в помещении вонь.

Пришлось попытаться подняться. Сергеев потрогал голову, пошевелил плечами и ногами, сел на кровати. М-да, приехал, дипломат! Помещение примерно пять на пять метров, выкрашенное в темно-синий цвет, двухъярусные кровати, которые в советских тюрьмах уголовники называют «шконками». И лица людей, которых тут наберется около десятка, оптимизма не выражают. Некоторые избиты, на некоторых порвана одежда. Половина – молодые мужчины в возрасте 30–40 лет. Но есть и постарше. Вот этот, например, угрюмый и лысый на соседней кровати, что так задумчиво, почти с тоской уставился в зарешеченное окно под потолком. На

демонстранта он не похож. Такие не митингуют. Добряк похож, скорее, на школьного учителя. Под горячую руку дядька попал. «Замели» вместе с другими.

Голова болела, но не сильно, очень хотелось пить. И не потерять бы штаны, из которых вытащили ремень. Хорошо, что ботинки на резинках и без шнурков, а то шаркал бы сейчас как старик. Увидев возле двери на высоком облезлом табурете бачок с водой и кружку на длинной цепочке, Сергеев поднялся со стенаниями «ох, грехи наши тяжкие» и поплелся к воде. Но из-за того, что резко встал с постели, у него вдруг закружилась голова. Станислав пошатнулся, попытался схватиться за кровать, но промахнулся. И снова бы растянулся на полу, если бы его не подхватили и не усадили на кровать.

– У вас, видимо, сотрясение мозга, – сказал кто-то по-русски.

Сергеев справился с накатившей слабостью и тошнотой и открыл глаза. Перед ним сидел тот самый лысый человек, что недавно с такой задумчивостью смотрел в окно. Слова, которые он произнес, прозвучали безукоризненно, без малейшего акцента. Это Сергеев научился понимать, поработав за границей и столкнувшись с сотнями людей, которые знали русский язык, но для которых он не был родным. Различных акцентов он наслушался достаточно, чтобы понимать такие вещи.

– Нет, – возразил Станислав, – просто ушиб. Скоро прой-

дет. Лучше скажите, вы-то как сюда угодили? Вы кто?

– Вопросы, – недоверчиво усмехнулся мужчина. – Как вы все любите вопросы задавать. А я никто. Просто человек, и все.

– Простите, если я повел себя не совсем тактично, – мастерски изобразил страдания Сергеев. – Вы не могли бы принести мне воды? Во рту – как в пустыне.

– Там цепочка, – проворчал лысый и стал помогать Станиславу встать.

Стараясь не переигрывать, Сергеев позволил довести себя до бака с водой, напился, а заодно рассмотрел еще раз всех, кто находился в камере. Да, видно, что людей хватало и тащили сюда, многих в прямом смысле слова, судя по грязным коленям. Как-то не выглядели они уголовниками. А землячок-то мне не верит. Интересно, почему? Что я такого спросил? Только кто он такой и как сюда попал? А он отреагировал очень нервно и, как бы это точнее выразиться, непрофессионально. Получается, что он сразу выдал себя, а заодно что ему есть что скрывать.

Русских в Румынии, как и в любой социалистической стране, всегда много. И это не только дипломаты, в таких странах работают многие советские специалисты. Кто он? Ладно, лишь бы не разыгрывал из себя жертву чего-то там совсем уж фантастического и не пытался выведать, кто я и откуда. И про мою «батарею». Вполне могли посадить в камеру «утку». Обидно, но верить человеку в моем положе-

нии только потому, что он чисто говорит по-русски, нельзя.

Сергеев понимал, что выбора у него нет. Выбраться из милиции он может только тогда, когда разберутся с его делом, установят его личность. Тем более когда установят его дипломатический статус. Для этого хорошо бы связаться с посольством. Должны же его когда-нибудь вызвать на допрос. Да и по всем разумным правилам любой демократической страны, если только у власти не фашистская хунта, держать человека в камере без доказательств вины нельзя.

Можно и подождать, все-таки форс-мажорные обстоятельства, в Москве поймут его опоздание. Но «батарейка»! Что-то подсказывало дипломату, что его присутствие здесь, в камере отдела милиции, не случайно. С травмой головы он если и должен где-то находиться, то только в больнице. Значит, номер в поезде с обыском его личных вещей не удался, так его решили обыскать таким способом. Вещи где-то в дежурной части, но они ничего там не нашли. Черт бы их побрал, они же изъяли дипломатический паспорт. С ума они там походили? Или кто-то из западных спецслужб попросил своего агента влияния проверить эту авантюру с задержанием иностранного дипломата?

Чтобы скандал не выплыл наружу, надо сделать одно очень простое дело. Должна исчезнуть сама причина скандала. То есть исчезнуть должен дипломат. Где и как исчез он, Станислав Сергеев, никто не знает. Вышел из поезда и пропал, а в стране беспорядки, свалить можно на кого угодно.

Сергеев покосился на своего соседа и вздохнул. Да, вдвоем было бы проще. Это если быть уверенным, что его ко мне не подсадили, тогда можно ему все рассказать.

Раздавшийся на улице шум заставил всех поднять головы. Несколько молодых людей бросились к окну. Кто-то очень ловко подхватил худенькую девушку с длинными волосами в испачканных брючках и поднял ее к оконному проему. Девушка стала бойко и деловито комментировать то, что видела. Сергеев снова пожалел, что не знает румынского языка.

– Что там творится? – спросил Сергеев своего недоверчивого соседа. – Вы, случаем, по-румынски не понимаете? Хоть приблизительно, о чем она щебечет?

– Привезли кого-то, – спокойно стал говорить лысый. – Две машины. Выгоняют палками. Наверное, демонстранты.

– Вы знаете язык? – оживился Станислав.

Сосед пожал плечами и не ответил. Шум в коридорах усилился. Гулкий топот множества ног, кто-то кричал и ругался, слышались удары. Потом открылась дверь, и в камеру, в которой находился Сергеев, толкнули троих избитых мужчин и двух растрепанных женщин. Обитатели камеры бросились к ним, помогая подняться с пола. Сразу завязался оживленный разговор. Новички стали что-то рассказывать, гневно размахивая руками.

– Они говорят, что после того, как их разогнали на площади перед городской администрацией, – неожиданно стал переводить сосед, – и не позволили передать петицию, они

отправились к зданию районного комитета партии.

– Чего они хотели, чего добиваются? – спросил Сергеев, понимая, что сейчас, как никогда, ему очень важно знать, в какой он оказался ситуации, что происходит в городе и стране.

– Я так понял, что началось все с протестов против притеснения какого-то местного пастора. Я не очень понимаю, не слишком следил за политическими событиями. А теперь они протестуют против произвола руководства армии и милиции. Да и руководства страны тоже. Тут и венгры, и немцы, и румыны. Они пытались сжечь районный комитет партии, представляете? – горько усмехнулся сосед. – Им удалось даже ворваться внутрь и начать выбрасывать в окна идеологическую литературу, что-то пытались сжечь прямо в здании. Ну и попали под резиновые дубинки, водометы и слезоточивый газ. Говорят, где-то в городе по демонстрантам даже стреляли.

Ну, вот так под шумок меня тут и шлепнут, подумал Сергеев, предварительно пытками вытащив информацию о том, где находится «батарейка». Выяснят и потом обязательно шлепнут. Выбросить ее или идти до конца? Черт бы вас побрал, международные авантюристы, я же все-таки профессионал, не могу я так просто избавиться от улики чьей-то преступной или шпионской деятельности. Это моя работа! И все, решение принято окончательно, больше к этому вопросу возвращаться не стоит. Теперь все мысли о том, как

выбраться из создавшегося положения.

– Слушайте. – Сергеев сжал локоть соседа и заговорил тихо, сквозь зубы, чтобы его не только не услышали, но и не смогли прочитать по губам. В камере вполне могли оказаться подсадные агенты местных спецслужб, учитывая особенности содержащегося контингента. – Мне надо вам кое-что сказать. Откиньтесь к стене спиной, мне так удобнее говорить, а вам слушать.

– Ну, – дернул нервно плечом сосед, но все же откинулся на спину, прижавшись к стене затылком. – Только учтите, что я не легковёрный.

– Плевать, какой вы там, – зло ответил Сергеев. – Голова-то у вас на плечах есть? Вот и слушайте, а заодно шевелите мозгами. Мы с вами соотечественники, и оба находимся в дурацком и опасном положении за границей. Я не спрашиваю вас, кто вы и что здесь делаете. В стране вообще и в камере в частности. Мне нужна ваша помощь, потому что я не говорю по-румынски. Я владею английским, испанским, сносно могу общаться на немецком, французском. Я не знаю языка, а мне надо срочно отсюда выбраться. Я дипломат. Специальный представитель МИД СССР Станислав Сергеев. Я летел из Италии в Союз, но наш самолет посадили в Белграде. Оттуда я пытался самым простым и быстрым способом с минимальным количеством пересадок добраться домой поездом, но здесь попал в заварушку, а потом меня чем-то трахнули по голове, и в результате я здесь.

– А чего вам опасаться, если вы дипломат? – недоверчиво усмехнулся сосед. – Вас-то как раз держать тут не станут, во избежание международного скандала. Тем более что вы не из нашего посольства в Румынии.

– А если бы был из нашего посольства в Румынии? – тут же спросил Сергеев.

Сосед промолчал, напряженно глядя в окно и покусывая нижнюю губу. И тут до Станислава стало доходить. Он анализировал разговор, поведение этого человека с самого начала их знакомства, и в голове начали складываться вполне определенные догадки. И как-то само собой стало понятно, что излагать этому уставшему, а может, немного испуганному человеку свои предположения не стоит. Пока не стоит.

– Да, поймите вы, – снова заговорил Сергеев. – Если бы мой дипломатический паспорт играл бы в этой ситуации хоть какую-то роль, я бы вообще в камеру не попал. А я здесь, и мой паспорт забрали. Кто и какую провокацию против советских дипломатов готовит, я пока не знаю! Я только вижу, что и вы, советский гражданин, тоже находитесь здесь.

– Я нахожусь здесь, потому что у меня не было с собой документов и меня заграбастали вместе с остальными, – проворчал сосед. – А на допросы здесь никто никого не вызывает уже сутки.

– Как вас зовут?

– Борис Иванович Яковенко, – тихо и как-то обреченно произнес сосед.

– Слушайте, Яковенко, я не буду допытываться, кто вы и где работаете. Я же чувствую, что вы хотите это скрыть. Воля ваша, но помогите мне выбраться отсюда и попасть в наше посольство. Это очень важно, за мной охотятся неизвестные люди, и я должен доложить по инстанции обо всем, что со мной произошло.

К огромному удивлению Сергеева, Яковенко в ответ промолчал. Станислав чуть было не сплюнул от досады, но ему хватило выдержки, чтобы не подать виду. Самое уместное было лечь на подушку и закрыть глаза. Все же удар, полученный не так давно, сказывался – в голове сильно шумело. Да и шишка побаливала, горячо пульсируя.

Примерно в восемь вечера в городе началась стрельба. Сергеев, лежа на железной кровати, прислушивался, не открывая глаз. Вся камера заволновалась, снова кого-то подсадили к окну.

Яковенко был рядом и молчал. Сергеев подумал, что это хороший знак, что его сосед не отходит от него, старается держаться рядом. Значит, не все еще потеряно. Да и не выглядит Яковенко трусом. Опасается чего-то, не доверяет, но не трусит, во всяком случае откровенно. Трусов Станислав на своем не очень долгом веку повидал.

А в городе творилось что-то уж совсем непонятное. Если стреляли, если гражданские сидели в камере, значит, народные волнения перешли в крайнюю, активную фазу. Скоро тут такое начнется, что лучше держаться от всего подальше.

– Слушайте, Борис Иванович, – позвал Сергеев. – Что бы ни случилось, давайте держаться вместе. Вместе и удирать сподручнее, а если придется, то и умереть легче. Согласны?

– А вы что, думаете, что нам грозит... смерть?

– Когда в стране почти гражданская война, ожидать можно всего: беспорядков, анархии, отсутствия или множественности власти, активизации криминальных группировок, козней разведслужб других государств, которые попытаются в этой мутной воде выловить государственные тайны. Поверьте, я уже повидал такое, правда, в Латинской Америке и в Африке. Хотя, когда начинается война, без разницы, как называется материк или часть света.

Они замолчали, слушая шум на улице. Стрельба удалялась, это наводило на мысль, что волнения подавлены. Сергеев старался не думать о трупах и крови. Он пытался прикинуть варианты побега. Например, снаряд попадает в здание отдела милиции. Тогда через пролом можно быстро покинуть камеру. Вопрос, помогать раненым и оглушенным или просто убегать? Вот оно воспитание, которое не позволяет бросить людей в беде. Приходилось соизмерять ценность собственной миссии и ценность жизни простых румын.

Моторы взревели возле здания милиции, где-то совсем рядом. Станислав открыл глаза и приподнялся на локтях. Яковенко тоже насторожился. В недрах отдела милиции поднялся такой шум, что заволновались все обитатели камеры. По коридорам затопали десятки ног, с грохотом открыва-

лись двери, восторженные крики разносились под низкими бетонными потолками. Наконец, распахнулась и дверь их камеры.

Внутрь вбежали молодые крепкие парни с повязками на руках. Поднялся невообразимый гвалт. Сергеев принялся дергать Яковенко за руку, чтобы тот объяснил, что происходит и что кричат все вокруг.

– Они напали на милицию и нас освободили! – оживился сосед по камере. – Пойдемте, скорее! Надо торопиться, а то могут приехать солдаты и нас снова запрут. Или еще, чего доброго, расстреляют, как лиц, оказавших сопротивление и напавших на представителей власти.

Задержанные повалили в коридоры и, к большому неудовольствию Сергеева, разбежались по зданию. Кто-то с криками ринулся на второй этаж, где-то уже били окна. Что за глупость, раздраженно думал Станислав, да, революция или переворот, но зачем же стекла-то бить? Они кому-то мешают, или новой власти не нужны стекла? В том-то и беда, что в рядах протестующих всегда много психически неуравновешенных людей, которые в состоянии психоза и вседозволенности впадают в эйфорию разрушения и насилия. Как бы не начали милиционеров убивать! Вот незадача.

– Куда вы? – схватил Сергеева за полу пиджака Яковенко. – Давайте ноги уносить.

– Подождите, там мои вещи и документы. – Станислав показал на комнату за высокими стеклами.

– Какие к черту... – начал было Яковенко, но потом махнул рукой и поспешил за Сергеевым.

До него, видимо, дошло, что если у Сергеева будет при себе дипломатический паспорт, то это в значительной степени защитит их на улицах мятежного города. По крайней мере, перед официальными властями, перед армейцами и милицией.

Сергеев уже ворвался в дежурную часть, где вовсю хозяйничали парни в кожаных куртках с жестокими лицами. Они уже били кого-то, корчившегося на полу. Дипломат бросился туда, за стойку дежурного, крикнув своему спутнику:

– Борис Иванович, включайтесь! Помогайте мне с переводом. Надо спасти мои документы. Мы не должны позволить убить работника милиции!

Первый же мордоворот, пинавший ногами лежащего на полу молодого милиционера, повернулся на голос Сергеева и агрессивно выпятил челюсть. «Бить в скулу или просто оттолкнуть в сторону?» – стал прикидывать Сергеев. Но тут ему помог Яковенко. Борис Иванович стал что-то быстро говорить и размахивать руками, показывая на дверь в соседнюю комнату. Парни переглянулись, с сожалением посмотрели на милиционера, еще по разу пнули его и побежали в указанном Яковенко направлении.

– Что вы им сказали? – присаживаясь рядом с милиционером на корточки, спросил Сергеев.

– Что в данной ситуации может заинтересовать таких лю-

дей больше, чем насилие? Я сказал, что они должны добратся до архива дежурной части, где хранятся сведения о задержанных, там подтверждение нарушения прав граждан. Они бы еще быстрее побежали, намекни я им про оружейную комнату, но лучше им ее не видеть.

– Это точно, – согласился Станислав и, взяв со стола графин, стал брызгать на лицо милиционера водой.

– Что с ним? – тихо спросил Яковенко, опускаясь рядом. Он похлопал раненого по щекам и позвал на румынском: – Эй, товарищ, ты как себя чувствуешь?

– Мерзавцы, – простонал милиционер, держась за ребра и пытаясь сесть.

– Видите, – улыбнулся Сергеев, – все с ним нормально, хотя пару ребер ему могли и сломать. Переводите, мне надо задать ему несколько вопросов.

– Вы из Советского Союза? – вдруг спросил по-русски милиционер, напряженно вглядываясь в лицо Сергеева. – Что вы здесь делаете?

– А откуда ты знаешь русский язык? – вопросом на вопрос ответил Станислав, стараясь улыбнуться тепло и непринужденно.

– В школе учил. Помню. С девочкой из Москвы переписывался несколько лет.

– Слушай, тебя здесь забьют до смерти, – стал убеждать милиционера Сергеев. – Помоги нам, и мы поможем тебе выбраться отсюда. Мы оба из СССР и попали сюда случайно

или по провокации врагов. Когда меня привезли сюда без сознания, у меня при себе был дипломатический паспорт. Я дипломат, понимаешь? Я в вашей стране проездом.

Милиционер закрутил головой, явно не все понимая. Яковенко еще раз пересказал ему по-румынски. Тогда офицер закивал, его лицо сделалось пунцовым то ли от злости, то ли от стыда. Он схватил руку Сергеева и стал отвечать сбивчиво, но очень горячо.

– Я лейтенант Ванич, я оперативный дежурный по отделу милиции. Я был на дежурстве, когда все это началось в городе, но мне приказали никаких мер не принимать. За все стали отвечать городские власти и городское управление милиции. И вас я помню, как привезли, вы были без сознания. Я не хочу, чтобы между нашими странами была вражда, а то, что происходит сейчас, – это... это очень похоже на попытку государственного переворота. В городе крушат правительственные здания, жгут машины, стреляют.

– Документы, лейтенант, где мои документы? – стал трясти парня за плечо Сергеев.

– У вас при себе не было документов, а ваши вещи вот здесь. – Лейтенант посмотрел Станиславу в глаза и стал доставать из шкафчика портфель, брючный ремень и бумажник. – Вас привезли, и мой начальник майор Дэнчулэ приказал поместить вас в камеру, где сидел вот этот мужчина, тоже без документов. – Милиционер перевел взгляд на Яковенко. – Личные вещи кое-какие были, а документов не бы-

ло.

– Черт, значит, мои карманы обчистили еще на перроне, когда грузили в машину, – проворчал Сергеев, засовывая бумажник в карман пиджака. – Значит, кому-то надо, чтобы я был без документов.

– Кому? – не понял Яковенко.

– Той женщине, что недавно приезжала сюда с человеком из Секуритате, – неожиданно сообщил лейтенант. – Они осматривали ваши вещи.

– Женщина? – Сергеев нехорошо улыбнулся. – Рост примерно 170 сантиметров, короткие светлые волосы, круглые глаза, ямочка на правой щеке, полные губы, очень молодожаво выглядит, миленькая, стройная, но если приглядеться, то ей далеко за 30, да?

– Да, с ней был мужчина, такой представительный, в дорогом пальто. Они интересовались вашими вещами и много спрашивали. Я думаю, что дама иностранка.

– Слушайте, Борис Иванович, – начал было Сергеев, но тут у входа в отдел милиции раздался шум мотора, потом кто-то стал отдавать приказы, зашумели люди. Все это очень не понравилось Станиславу. Или милицейское начальство приехало, или кто-то от митингующих, эти еще хуже, потому что на данный момент они никакими правовыми нормами себя не утруждали.

Сорвав с небольшого столика у окна зеленое сукно, Сергеев накиннул его на плечи лейтенанту и стал его поднимать.

Яковенко помогал и непонимающе глядел то на Станислава, то на дверь, которая вот-вот должна была открыться.

– Уходим, все уходим отсюда, – торопил Сергеев. – И ты, Ванич, пошевеливайся. Слишком ты много, парень, знаешь теперь, тебя они уж точно в живых не оставят.

Охая и прижимая руку к ушибленным ребрам, милиционер поспешил за русскими к задней двери, которая выходила на служебный двор.

Вытолкнув на улицу Яковенко и Ванича, Сергеев задержался и заглянул в щель неплотно закрытой двери. Он сразу узнал свою недавнюю знакомую, которая дважды разыгрывала перед ним спектакль: сначала в Италии, потом в Белграде. Теперь сомнений у Станислава не было: она искала здесь свою «батарею». Выходит, она узнала, что у Сергеева дипломатический паспорт, и решила подложить ему в портфель контейнер с какими-то материалами, возможно с микрофильмом. Никаких сомнений в ее принадлежности к иностранным спецслужбам, равно как и к происходящему сейчас в Румынии, не оставалось. Значит, здесь все серьезно, это не просто беспорядки. Слишком грамотный «режиссер» за всем этим стоит.

На улице стемнело. Во двор выходило не так много окон, и освещен он был плохо. Уличные фонари не горели. Под ногами хрустело битое стекло – все-таки митингующие погуляли на славу.

– Слушай, лейтенант, это чья машина? – Сергеев кивнул

на неприметную старенькую «Дакию».

– Моя.

– Так что же ты молчишь, родной, – обрадовался Яковенко, но тут же осекся. Прямо в ворота уперся свет чужих фар, несколько человек чем-то гремели, пытаясь отпереть ворота.

– Все, опоздали, – констатировал Сергеев. – Давайте в темпе через каменный забор. Вон там самый темный угол и какой-то большой ящик. С него и переберемся. Людная улица за забором?

– Нет, там маленькая улочка, – ответил Ванич. – А уличное освещение отключили почти во всем городе.

Через час Сергеев и Яковенко присели отдышаться в темном проходном дворе, прижались спинами к кирпичной стене. Лейтенанта пришлось отпустить, посоветовав ему не возвращаться к себе домой несколько дней.

– Слушайте, Борис Иванович, – вытирая ладонью лоб, спросил Сергеев, – откуда вы так хорошо румынский знаете?

– А я в Молдавии родился и вырос. У нас там румын было не меньше, чем здесь. Вот с детства и научился. Самая лучшая школа изучения языка – игровая. Вот во время игр и научился. Да и общение с настоящими носителями языка...

– Все-все, я же только из приличия спросил, – усмехнулся Сергеев и повернулся к своему спутнику. – А вы нервничаете, Борис Иванович. То-то вас на разговор потянуло. Ладно, колитесь, как говорили у нас во дворе пацаны, вы работник советского посольства? Не надо спрашивать меня, как я до-

гадался. Вы сами не очень умело это скрывали и пару раз выдали себя. Вопрос у меня к вам далеко не праздный. Мне бы добраться до вашего руководства. Вы же понимаете, что без документов во время назревающей гражданской войны шансов выбраться у меня никаких. Тут замешана иностранная разведка. Давайте по-честному. Я вам свою правду, а вы мне свою. Мне мое сердце подсказывает, что нам с вами дружить еще долго придется. Вы ведь тоже не на пикник приехали, и у вас тоже, как я понимаю, нет документов.

– Да, вы правы, – согласился Яковенко и опустил голову. – Расскажите сначала о себе вы. Уверяю, вы поймете, что у меня было больше оснований не верить вам, чем вам мне.

– Да-а? – удивился с улыбкой на лице Сергеев. – Вы меня заинтриговали. Но уговор дороже денег.

Свою историю Станислав рассказывал неторопливо, со всеми эмоциями, которые его одолевали в тот или иной момент, со всеми сопутствующими размышлениями. Он знал, чем больше жизни он вложит в свой рассказ, тем быстрее ему поверит Яковенко. Чем больше мелочей, тем больше рассказ похож на правду.

Борис Иванович слушал, то и дело снимая шапку и поглаживая себя по лысому темени. Потом взял у Сергеева «батарею», покрутил ее в руках и вернул.

– Да, в ней что угодно спрятать можно. В наше время техника до такого дошла, что можно все тома «Войны и мира» Толстого в виде микрофильма в такой объем спрятать. Я ви-

дел такие штуки.

– Откуда? – удивился Сергеев, радуясь, что Яковенко ему, кажется, поверил. – Где вы видели?

– А вот это уже часть моей истории, – вздохнул спутник и замолчал на минуту, прислушиваясь к стрельбе где-то в паре кварталов от них. – Вы правильно поняли, я работаю в нашем посольстве. Водителем. А попал в историю, далекую от своих служебных обязанностей. Хотя, может, как раз потому и попал, что водитель.

– Вы не нервничайте, Борис Иванович, – посоветовал Сергеев. – А то снова начнете говорить много лишнего. Так что у вас произошло, как вы здесь оказались, более чем в шестистах километрах от столицы?

– Я вам фамилий называть не буду, сами понимаете, какое дело, – продолжил Яковенко. – Отправились мы сюда вдвоем с одним из сотрудников посольства. Нужно было забрать какие-то секретные документы или, как их еще назвать, разведывательные данные, что ли.

– Вот это у вас информированность, – недоверчиво покачал головой Сергеев.

– Погодите, не удивляйтесь, – поднял руку Яковенко. – Так вот, приехали мы в Тимишоару. Мой товарищ встретился с кем положено, получил сверток. И на этом везение наше кончилось. Охотились за этим свертком. Кто и где продал нас, не знаю. Разведка у них, всякое бывает, я знаю. Так вот, напали на нас, обстреляли. Я еле увел поврежденную

машину, а сотрудник наш, стало быть, ранен сильно. Я его перевязываю, а он знай все меня инструктирует. И, чтобы я проникся важностью вопроса, он мне все и рассказал. По его словам, они в Тимишоаре собирали сведения о том, как западные страны готовят здесь переворот. И не только Румынии это касается, а и других социалистических стран, а может, и Советского Союза.

– Ничего себе! – присвистнул Сергеев. – И что же дальше?

– Я вот тоже, как и вы, глаза-то вытаращил, а он мне велит сверток забирать и скрываться. Говорит, что в этом свертке информации много, ее по крупицам собирали, со всеми доказательствами, фактами, кино- и фотоподтверждениями. И именно в Тимишоаре, потому что запад Румынии самый пестрый в этническом смысле, тут легче работать, легче найти оппозиционеров и инакомыслящих разных мастей. Только вот опоздали мы всего на пару дней.

– И где ваш раненый товарищ?

– Умер он, – хмуро заявил Яковенко.

– Умер? А тело?

– Не поняли вы, – нахмурился собеседник. – Он меня прикрывал, хотел, чтобы преследователи подумали, что посылка погибла. Он говорит: ты, Боря, язык хорошо знаешь, полюбому за своего сможешь сойти. Сел за руль, отобрал у меня документы сотрудника посольства и поехал. А отъехав сотню метров, взорвал себя гранатой с машиной и важными документами. Вот так-то.

– И вы весь этот архив оставили в милиции, куда вас забрали? – опешил Сергеев.

– Не-ет, – улыбнулся Яковенко. – Спрятал я его, как только волнения начались. Хотел осмотреться, а потом придумать, как быть дальше. То ли с архивом пробираться в Бухарест, то ли спрятать его надежно здесь и двигать налегке, а уж там начальство пусть меры принимает. Не успел я осмотреться. Архив спрятал, а потом меня под микитки и в камеру вместе с митингующими. Случайность, но вот так получилось.

Глава 3

17 декабря. Бухарест

До рассвета оставалось немного, а министр национальной обороны Василе Миля еще не ложился. Седовласый 62-летний генерал с высоким лбом и тонкими губами, всегда подтянутый и выдержанный, сейчас Миля кричал в трубку полевого телефона, не сдерживаясь ни в интонациях, ни в оскорблениях. Доклады шли один за другим, и все они сводились к одному. Народ вышел на улицы, нужен приказ стрелять на поражение, народ совсем распоясался, громят отделы милиции, подожгли здание горкома партии. Из толпы митингующих слышатся откровенно антисоветские выкрики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.